Фрэнк Перетти

ТЬМА ВЕКА СЕГО

БИБЛЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД
Санкт-Петербург
2001

Фрэнк Перетти
Тьма века сего. СПб.: «Библейский взгляд», 2001. — 480 с.
ISBN 5-8445-0048-2

Перевод с английского
Н. С. Жердевой

This Present Darkness, Frank E. Peretti
Published by Crossway Books
Copyright © 1986 by Frank E. Peretti
ISBN 0-89107-390-6

Ответственный редактор *А. И. Шапошников*
Редакторы: *В. В. Ромодин, О. М. Ромодина*
Корректоры: *З. Д. Снегирева, В. С. Волкова, Д. Г. Вдовин*
Художник *А. Я. Ломаев*
Верстка: *А. Б. Кодак*

© Русский перевод. Н. С. Жердева, 1994
© Издание на русском языке. Библейский взгляд, 2001

Все права защищены международным законодательством об авторских правах. Настоящая книга, целиком или частично, не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, механические, фотографические, звукозаписывающие, компьютерные, или любыми другими существующими сейчас или созданными в будущем средствами передачи информации без соответствующего письменного разрешения издателя.

Издательская лицензия ЛР № 030808 от 25.02.98.
Подписано к печати 30.03.2001. Формат 60 x 88 $^{1}/_{16}$.
Объем 30 печ. л. Тираж 10 000. Заказ №

Литература религиозного содержания.

МРО ХВЕП «Христианская Миссия»
198215, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, 46

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей ТЬМЫ ВЕКА СЕГО, против духов злобы поднебесных.

Послание к Ефесянам 6:12

Глава 1

Поздним воскресным вечером, когда серебристый свет полной луны тихо залил скоростное шоссе номер двадцать семь, на нем появились два незнакомца в простой рабочей одежде, необыкновенно высокие, никак не менее двух метров, сложенные ладно и крепко. Один из них был темноволосый, с выразительным лицом, второй — светловолосый атлет. Шоссе это вело в маленький университетский городок Аштон, и даже сюда, за километр от него, до них отчетливо доносились звуки праздничного веселья, которое царило по всему городу. Незнакомцы несколько мгновений внимательно прислушивались к доносившемуся шуму, а затем двинулись в путь.

Аштонский летний фестиваль был в самом разгаре. Раз в году городок захлестывала волна хаоса и легкомыслия. Этим праздником городок прощался, благодарил и звал обратно восемьсот студентов из Вайтмор-колледжа, отправлявшихся на долгожданные летние каникулы. Большинство студентов уже упаковало чемоданы, готовясь разъехаться по домам, но все тем не менее решили задержаться ради праздника: поучаствовать в карнавальном шествии, потолкаться на уличных дискотеках, развлечься на аттракционах и в дешевых кинотеатрах, заглянуть и в другие заведения, чтобы в конце концов как следует встряхнуться и хорошенько гульнуть. Этот праздник — время дикого веселья, когда всякий может напиться, а кто-то и забеременеть, кого-то изобьют или ограбят, кому-то суждено заболеть, — и все это в одну ночь.

Один из заботливых отцов города на своем участке в центре Аштона разрешил разбить луна-парк. Установили аттракционы, ларьки и передвижные туалеты, а странствующие актеры устраивали карнавальные представления. Проржавевшие карусели украсили веселыми разноцветными лампочками, что в вечерних сумерках делало их даже привлекательными. Они отчаянно тарахтели тракторными двигателями со снятыми глушителями, стараясь перекрыть грохот карнаваль-

ной музыки, звуки которой, возникая неизвестно откуда, довершали эту безумную какофонию. Был прекрасный теплый вечер, и толпы народа, жуя сахарную вату, слонялись по всему городу. В центре луна-парка медленно вращалось колесо обозрения. Оно останавливалось, чтобы взять новых желающих, и неторопливо делало несколько оборотов, позволяющих сполна насладиться зрелищем города с высоты птичьего полета. Пестро разукрашенные, ярко светящиеся карусели крутились, облупленные безногие лошади важно покачивались под звуки хриплой шарманки. Гости карнавала вовсю швыряли мячи в корзинки, а мелочь в коробки, стрелы в воздушные шары, а деньги на ветер... Этому безудержному веселью предавались на всей аллее длинного ряда тесно поставленных шатких балаганов, где назойливые зазывалы каждому проходящему выкрикивали: «Попытайте удачу!»

Незнакомцы, стоя в людском водовороте, приглядывались к происходящему, удивляясь тому, как может городишко в двенадцать тысяч жителей, включая студентов, превратиться в такую бесконечную кишащую массу. Обычно спокойные горожане, к которым присоединились заезжие искатели приключений, превратились в безумную орду, запрудившую улицы и переулки, заполнившую магазины и ресторанчики... Стоянки автомашин в городе были забиты до отказа. Все было дозволено, ничто не считалось противозаконным. И хотя полицейские не сидели ни минуты без дела, но на каждого задержанного хулигана, пьяного и вора, уже надежно закованных в наручники, приходились десятки нарушителей порядка, по-прежнему бесчинствующих по всему городу. Фестиваль, достигший в этот вечер своего апогея, походил на тайфун, который невозможно было укротить. Оставалось только ждать, когда он сам пронесется мимо, чтобы потом убирать, разгребать и чистить.

Двое пришельцев медленно продвигались сквозь плотно забитое людьми пространство, прислушиваясь к разговорам и внимательно наблюдая. Город вызывал у них любопытство, они не спеша рассматривали его, осторожно оглядываясь по сторонам. Толпа вращалась вокруг них, как белье в стиральной машине, перетекая с одной стороны улицы на другую, создавая непредсказуемый бесконечный круговорот. Незнакомцы продолжали всматриваться в толпу. Они явно кого-то искали.

— Здесь, — наконец уверенно проговорил темноволосый.

Незнакомцы одновременно увидели девушку. Она была молоденькая и очень хорошенькая, но выглядела совершенно растерянной. Держа в руках фотокамеру, она потерянно оглядывалась по сторонам.

Пришельцы поспешили протиснуться вперед и встали с ней рядом. Девушка их не замечала.

— Ну-ка, посмотри туда, — властно произнес темноволосый.

С этими словами он положил руку на плечо девушки и повел ее к палатке, стоящей посреди балаганов. Она прошла прямо по газону, засыпанному мусором, к открытому стенду, где соревновались юнцы, бросая стрелы в воздушные шары. Однако вовсе не это заинтересовало девушку, ее внимание привлекли несколько фигур, укрывшихся в тени палатки. Держа фотоаппарат наготове, она осторожно сделала еще несколько шагов и быстро поднесла камеру к лицу.

В ту же секунду, как фотовспышка осветила деревья за стендом, двое пришельцев уже спешили к следующему месту встречи.

Шагая в ногу и нигде более не задерживаясь, незнакомцы поспешно пересекли почти весь город, направляясь в район, расположенный в километре от центра. Они дошли до конца Поплар-стрит и стали подниматься на Морган-Хилл. Прошло совсем немного времени, как они уже стояли перед маленькой белой церковью, окруженной аккуратно подстриженным зеленым газоном. Прямо у входа бросалась в глаза нарядная доска объявлений с расписанием часов занятий воскресной школы и богослужений. В самом верху доски помещалось название церкви: «Аштон Комьюнити», а ниже черными косыми буквами поверх прежней надписи стояло имя пастора: «Генри Л. Буш».

Пришельцы огляделись. С высокого холма весь город был как на ладони. На западе поблескивали карамельными огоньками аттракционы луна-парка, на востоке высились помпезные здания университетского городка Вайтмор-колледжа. На шоссе двадцать семь, которое при въезде в город превращалось в главную улицу — Майн-стрит, расположились лучшие магазины, бетонная громадина супермаркета «Сирс», несколько конкурирующих бензоколонок, торговый дом хозяй-

ственных товаров, редакция местной газеты и несколько офисов частных фирм. Со стороны городок выглядел типично американским: невинным, маленьким и безобидным, будто сошедшим с картин Норманна Рокуэлла.

Однако пришельцы могли видеть не только то, что было доступно человеческому глазу. Даже здесь, на холме, их дух и сознание явственно ощущали тяжесть истинного состояния Аштона. Они чувствовали неотступное, сильное, все возрастающее, хорошо продуманное и целенаправленное наступление зловещей опасности.

Незнакомцам нередко приходилось расспрашивать, размышлять и расследовать, ведь это было частью их дела. Поэтому для обоих было естественно задаться вопросом: «Почему именно здесь?»

Однако времени на раздумья у них не было. Пришельцы уловили явные сигналы опасности, были ли этому причиной их особая сверхчувствительность или инстинкт, реагирующий на едва уловимую угрозу, но что-то заставило их моментально скрыться за углом церковного здания и слиться в темноте с шершавой штукатуркой стены. Они замерли в полном молчании, всепронизывающим взглядом зорко наблюдая за чем-то, приближающимся к зданию.

Перспектива тихой ночной улицы казалась коллажем лунного света и кобальтово-синих непроницаемых бездонных теней. Одна из них вела себя необычно: она не колебалась от ветра, подобно теням деревьев, и не была неподвижной, как тени домов, нет, — она кралась вдоль улицы, приближаясь к церкви, мелко дрожа при каждом осторожном шаге. Казалось, эта тень поглощала в себя весь свет, все освещенное пространство, встречающееся на ее пути, как будто была черной бездонной дырой. Однако эта странная тень имела форму, форму какого-то живого существа, и чем ближе она продвигалась к церкви, тем явственнее был различим скрежет когтей, царапающих мостовую, и тихий шелест тонких перепончатых крыльев.

Хотя у существа имелись и руки и ноги, но, похоже, оно передвигалось без их помощи. Оно пересекло улицу и затем поднялось по ступеням церковной лестницы. Его похотливые выпученные глаза отражали свет луны, который смешивался с их собственным желтым блеском. Бугристая голова возвышалась над вздернутыми плечами, зловонный красно-

ватый дым с шипением струился сквозь ряды острых мелких клыков.

Существо то ли посмеивалось, то ли кашляло: шипящий звук, поднимавшийся из глубины глотки, был похож на то и другое одновременно. Распрямившись, оно встало на ноги, оглядываясь в царящей вокруг тишине. Его черная, как у летучей мыши, пасть скривилась в ухмылке, превратившей морду мерзкого создания в отвратительную маску смерти.

Страшилище подобралось к самой двери. Черная рука прошла сквозь нее легко, как сквозь воздух. Тело подалось вперед и стало просачиваться сквозь дверь, но успело продвинуться только наполовину.

Внезапно жуткое существо отпрянуло назад, наткнувшись на какую-то преграду, и, описав в воздухе дугу, кубарем скатилось с лестницы. Пар его дыхания прочертил красную спираль в ночном воздухе.

С жутким воплем бешенства и возмущения омерзительное чудовище поднялось с тротуара и уставилось на дверь, которая повела себя необычно, не дав существу проникнуть внутрь. Перепонки крыльев у него за спиной задрожали, начиная расправляться под напором воздуха, и мерзкое создание с ревом стремительно ринулось головой на дверь, проскочило сквозь дверь, пронеслось по вестибюлю и врезалось прямо в облако ослепительно белого света.

Существо вскрикнуло и в страхе закрыло глаза, а затем почувствовало, как тяжелая, могучая рука сдавила его, словно клещами. И в то же мгновение страшилище вышвырнули вон, и оно тряпичной куклой вылетело на улицу.

Но гнусное исчадие развернулось и вновь кинулось на дверь. Крылья судорожно бились и трещали, красные испарения с шипением клубами вырывались из ноздрей. Острые когти были выпущены для атаки, и жуткий вой, подобный вою сирены, раздирал его глотку. Как стрела в цель, как пуля в мишень, чудовище врезалось в дверь — и ощутило, как его внутренности разрываются на части.

Взрыв, удушливое зловоние, последний крик, судорожный взмах ног и рук — и все исчезло. Не осталось ничего, кроме вонючего серного облака да двух пришельцев, неожиданно оказавшихся уже внутри церкви.

Светловолосый вложил в ножны сверкающий меч. Окружающий его белый свет медленно угасал.

— Дух преследования? — спросил он.

— А может, сомнения или страха. Кто знает? — пожал плечами его спутник.

— И, по-моему, один из самых *незначительных*.

— Да, никогда не встречал такого слабого.

— Я тоже. И сколько же тут бесов, как ты думаешь?

— Больше, чем нас, намного больше. Они повсюду и не тратят зря время.

— Я это знаю, — вздохнул светловолосый атлет.

— Но что они тут делают? Мы никогда не видели такого скопления демонов, по крайней мере, здесь.

— Ничего, думаю, причина скоро откроется, — светловолосый посмотрел прямо сквозь дверь, ведущую из вестибюля в зал церкви. — Давай-ка взглянем на мужа Божьего.

Они направились по узкому вестибюлю в зал. На находящейся здесь доске объявлений можно было прочесть призыв к сбору продуктов для нуждающейся семьи, приглашение присмотреть за детьми и просьбу молиться за больного миссионера. Было здесь и написанное крупными буквами напоминание о собрании членов церкви в следующую пятницу. На другой стене висел отчет о сборе пожертвований, которые значительно уменьшились за последнюю неделю, так же, впрочем, как и число прихожан: от шестидесяти одного до сорока двух.

Пришельцы пошли по наклонному узкому проходу вдоль опрятных рядов темно-коричневых деревянных скамей в переднюю часть зала, где слабый свет софита освещал скромный крест над баптистерием. В середине подиума, покрытого сплошным потертым ковром, находилась маленькая кафедра с лежащей на ней открытой Библией. Обстановка была простой, скорее практичной, чем элегантной, что свидетельствовало то ли о непритязательности, то ли о скупости прихожан.

Затем незнакомцы услышали тихие звуки: глухие, сдавленные рыдания, доносившиеся со скамьи первого ряда. Там стоял на коленях молодой человек. «Даже слишком молодой и легко ранимый», — подумал в первое мгновение светловолосый. Юноша был погружен в глубокую искреннюю молитву. Он крепко сжал руки и склонил голову на жесткую скамью. Его лицо являло собой картину скорби, любви и боли. Губы беззвучно шевелились: молитвы и славословие струи-

лись вместе с потоками слез. Пришельцы остановились возле молодого человека и стали внимательно наблюдать за ним, обдумывая и взвешивая происходящее.

— Божий воин, — произнес темноволосый.

Его спутник тихо ответил, скорее обращаясь к самому себе, не сводя глаз с убитого горем, сокрушающегося молодого человека:

— Да, это он, я не сомневаюсь в этом. И даже сейчас молится. Этот воин стоит перед Господом за людей, за весь город...

— Он проводит тут почти каждый вечер.

Высокий улыбнулся:

— Ну, значит, этот человек не так уж слаб.

— Но ведь он — единственный. Он совершенно один.

— Нет, — покачал головой высокий, — есть и другие. Всегда есть кто-то еще. Нужно только разыскать их. Его одинокая неустанная молитва — только начало.

— Но ведь у юноши будут неисчислимые трудности, ты прекрасно знаешь.

— Журналиста тоже ждут испытания. Да и у нас их будет немало.

— Но мы победим?

Глаза светловолосого снова загорелись.

— Мы будем сражаться.

— Да, мы будем *сражаться*, — эхом отозвался его друг.

Они встали с обеих сторон коленопреклоненного человека. И в то же мгновение комната медленно, подобно распускающемуся цветку, стала наполняться белым светом. Он осветил крест на задней стене и постепенно проявил цвет и фактуру каждой детали на скамьях, и прежде скромные, почти убогие предметы алтаря ожили и засветились неземной красотой. Стены блистали, потертые ковры заполыхали пестрым пламенем, маленькая кафедра с резко очерченными контурами теперь казалась высокой и величественной, как воин на посту. Теперь и сами пришельцы светились белым сиянием. Их одежда превратилась в блестящие ризы, казавшиеся пылающими в ослепительно ярком свете. Бронзовые лица сияли, а глаза горели огнем. У каждого на золотом поясе висел меч в сверкающих ножнах.

Они возложили руки на плечи молодого человека. И за их спинами начали распрямляться атласные, почти прозрачные крылья, которые, словно великолепный балдахин, поднима-

лись над их головами, соприкасаясь и медленно колыхаясь в потоках духовного ветра.

Они посылали мир своему молодому подопечному, и его слезы начали понемногу иссякать.

«Аштон Кларион» была типичной газетой маленького провинциального городка: небольшого формата, скромной, временами не слишком организованной и несколько старомодной. Другими словами, она была печатным, черным по белому, отражением состояния самого Аштона. Редакция находилась на деловой Майн-стрит в одноэтажном доме с окнами во всю стену и тяжелой, обшарпанной дверью с щелью для почты. Газета выходила два раза в неделю, по вторникам и пятницам. Дела ее шли не блестяще. При первом же взгляде на редакцию можно было легко понять, что средств у газеты явно не хватает.

В передней части здания располагались контора и отдел новостей. Здесь находились три письменных стола, две пишущие машинки, пара корзин для мусора, два телефона и электрокофеварка без шнура. Казалось, будто рукописи, листы, обрывки бумаги, канцелярские принадлежности занесло сюда случайным ветром из редакций всего света. Старая потертая невысокая перегородка, невесть как попавшая сюда с какого-то заброшенного вокзала, отделяла рабочую часть редакции от приемной. И, конечно же, над дверью висел маленький колокольчик, слабо дребезжавший при входе и выходе каждого посетителя.

Позади всего этого хаоса, называемого «рабочей обстановкой», взору неожиданно являлось потрясающее великолепие, которое подходило, по меньшей мере, редакции большого города: застекленная контора редактора. Это было и впрямь смелым нововведением. Главный редактор, владеющий *«Кларион»*, до недавнего времени был репортером одной из ведущих газет Нью-Йорка, и иметь кабинет со стеклом во всю стену было мечтой его жизни.

Нового редактора и хозяина газеты звали Маршалл Хоган. Это был сильный, зрелый и напористый человек, которого его сотрудники: и наборщик, и секретарша, которая писала статьи и собирала объявления, и выпускающий редактор, и репортер, а заодно и обозреватель *«Кларион»*, то есть абсолютно вся маленькая редакция, — любовно называли «Атти-

ла де Хоган», подразумевая его физические и душевные качества. Он купил эту газету несколько месяцев назад. Энергия и напористость журналиста большого города разительно контрастировали с безмятежным существованием сотрудников редакции, что время от времени приводило к неизбежным конфликтам. Маршалл стремился придать газете настоящий размах, сделать ее более интересной и организовать работу так, чтобы всему было свое время и все находилось на своем месте. Но перебраться из *«Нью-Йорк Таймс»* в *«Аштон Кларион»* было все равно что попасть в сонное царство. В этой маленькой редакции все делалось не спеша. Так что неуемная энергия Маршалла наталкивалась на собирание кофейной гущи для компостной кучи в саду секретарши или ликование по поводу того, что кто-то наконец принес долгожданную статью на волнующие общественные темы, напечатанную на листах, запачканных пометом волнистого попугайчика.

Но, как и всегда, по утрам в понедельник работа шла полным ходом, не давая времени на раскачивание после уикэнда. Очередной номер нужно было срочно довести до готовности, и весь персонал находился в состоянии предродовых схваток. Сотрудники редакции безостановочно сновали между своими рабочими местами и корректорской, находившейся в глубине редакции. Руки их были заняты всевозможными бумагами: монтажными листами, статьями и объявлениями, которые нужно было срочно набрать, свежими гранками и клише всевозможных размеров и видов, предназначенных для иллюстрации новостей.

В ярком свете ламп, в редакционном шуме и суете, над макетным столом склонились Маршалл и Том, ответственный редактор. Они собирали предстоящий номер *«Кларион»* из отдельных разлетающихся во все стороны кусочков текста и вырезок: это подходит сюда, а это нет, нужно перенести на другую страницу. Этот материал занимает слишком много места, а чем заполнить пустоты? Маршалл начал раздражаться. Подобная история повторялась каждый понедельник и четверг.

— Эди! — крикнул он, и его секретарша тотчас откликнулась:

— Иду!

Сотый раз он говорил ей:

— Гранки должны лежать в корзинке на столе, а не просто на столе, и не на полу, и не...

— Я и не кладу их на пол! — запротестовала Эди, спеша в редакторскую с кипой свежих гранок в руках. Эди была решительной, маленького роста женщиной лет сорока, обладающей всеми необходимыми качествами для того, чтобы противостоять натиску бесцеремонного Маршалла. Она лучше, чем кто бы то ни было, и прежде всего лучше своего нового шефа, знала, где, в каком месте найти ту или иную вещь.

— Я положила страницы в твои маленькие симпатичные корзиночки точно так, как ты просил.

— А как тогда они оказались на полу?

— Ветер сдул, Маршалл, ветер, и не мне тебе говорить, откуда *он* взялся!

— Ладно, шеф, — прервал их Том, — сейчас готовы третья, четвертая, шестая и седьмая страницы. А как с первой и второй? Что делать с пустыми полосами?

— Тут мы поместим захватывающий репортаж Бернис о фестивале с потрясающими снимками, как только она отклеится от своего стула и принесет нам материал. Эди?

— Слушаю!

— Честно говоря, Бернис запаздывает на целый час! Позвони ей еще разок!

— Только что звонила. Никакого ответа.

— С ума сойти!

Их прервал Джордж, человек маленького роста, уже на пенсии, продолжавший, однако, работать наборщиком. Он откатился на стуле от компьютера и предложил:

— Может, подойдет материал о пикнике женского комитета? Я как раз его заканчиваю, и фотография миссис Мармазель достаточно пикантна, чтобы дать повод для открытия судебного дела.

— О-о-о... — простонал Маршалл, — прямо на первой полосе! Только этого не хватало, чтобы окончательно испортить нашу репутацию.

— Ну, так что теперь будем делать? — спросила Эди.

— Был кто-нибудь на фестивале?

— Я ходил на рыбалку, — ответил Джордж. — Этот фестиваль для меня слишком бурный.

— А мне жена не разрешила, — вставил Том.

— Я видела кое-что, — откликнулась Эди.

— Садись и пиши, — приказал Маршалл. — Это самое

большое событие года в нашем городе, должны же мы как-то отреагировать.

Зазвонил телефон.

— Спасена ударом гонга? — произнесла с надеждой Эди, поднимая трубку. — *«Кларион»*. Доброе утро, — внезапно лицо ее просветлело: — Привет, Бернис! Куда ты запропастилась?

— Ну, где она там? — нетерпеливо потребовал ответа Маршалл.

Эди слушала, и лицо ее вытягивалось от удивления:

— Да... ну, успокойся... да, конечно... не огорчайся, мы тебя вытащим.

— Ну, так куда она подевалась? — раздраженно фыркнул Маршалл.

— Она арестована и находится в полиции, — ответила Эди и посмотрела на него с явным укором.

Глава 2

Маршалл торопливо спустился в подвал здания Аштонского суда и остановился перед металлической дверью тюремного отделения. У него сразу же возникло неистребимое желание заткнуть и нос, и уши. Вонь и шум, доносящиеся из переполненных камер, немногим отличались от запахов и какофонии вчерашнего фестиваля. По дороге в полицию он поразился, насколько тихими были улицы города в это утро. И не удивительно: вся суматоха переместилась сюда, в несколько камер-клеток, замурованных в холодный, со следами облупившейся краски, отдающий эхом бетон. Здесь была собрана целая коллекция из наркоманов, пьяниц и хулиганов, которых полиции удалось арестовать на улицах накануне. Это напоминало битком набитый зверинец. Часть заключенных чувствовала себя как дома, сражаясь в покер засаленными картами на сигареты или стараясь перещеголять друг друга рассказами о своих «подвигах». В дальнем конце помещения несколько юнцов выкрикивали непристойности в сторону камеры, набитой проститутками, для которых не потрудились найти более подходящего места. Другие просто сбились в угол, все еще пьяные или совершенно подавленные происшедшим. Несколько человек, заметив Маршалла, тотчас, злобно глядя сквозь толстые прутья решетки, начали клян-